

ТЕ, КТО ОСТАЛИСЯ



OFFSCRIPT

Offscript A.S.

Те, кто остался: Николай до Анны.

«Автор»

2026

A.S. O.

Те, кто остался: Николай до Анны. / О. A.S. — «Автор», 2026

Для конкурса по мотивам сериала "История его служанки". «Три сцены, которых нет в сериале» я выбрала первый вариант: что Николай пережил на в***е и почему вернулся таким. Мне захотелось заглянуть в то, что осталось за кадром: б*й, ранение, спасение и жизнь после — с памятью о тех, кто не вернулся. Это моя версия этой истории.

© A.S. O., 2026

© Автор, 2026

Offscript A.S.

Те, кто остался: Николай до Анны.

Те, кто остался

У Шереметьевых мужчины всегда служили.

Отец. Дед. Прадед. Николай не знал, с кого именно началась эта семейная традиция, но он вырос в доме, где всюду висели портреты предков в мундирах, хранились сабли, награды, пожелтевшие бумаги с высочайшими подписями. В детстве он знал воинские звания едва ли не раньше, чем выучился читать, а держаться в седле научился прежде, чем как следует доставал ногами до стремян.

Высокий, статный, крепкий — никому и в голову не приходило спрашивать, кем он хочет стать.

Ему самому — тем более.

Только матушка почему-то считала, что продолжать семейную традицию можно и не отправляясь непременно под неприятельские пули.

— Николенька, — говорила она, — в нашей семье уже достаточно героев. Я бы предпочла внуков.

Николай смеялся, целовал ей руку и обещал непременно подумать об этом после войны. Матушка вздыхала.

Она вообще была единственным человеком, которому удавалось заставить его почувствовать себя виноватым, ничего при этом не требуя.

Последнее её письмо пришло накануне сражения. Того самого.

Писала она, как всегда, обо всём понемногу. О домашних делах, о каких-то дальних родственниках, которых Николай едва помнил. А ещё о белых розах.

Матушка задумала посадить розы возле южной стены дома. Садовник уверял, что место неподходящее и розы там не приживутся, но она настояла на своём.

«Если бы я слушала всех, кто говорит мне, что чего-то делать нельзя, — писала она, — у нас с тобой, Николенька, не было бы даже этого сада».

Николай невольно улыбнулся.

Внизу, уже другим, более мелким почерком, было приписано:

«Береги себя, мой дорогой. И помни, что тебя ждут дома».

Он сложил письмо и убрал во внутренний карман мундира.

Вместе с материнским письмом Николай хранил другое — от Натальи.

Он знал его почти наизусть, но всё равно время от времени перечитывал. Ему нравилось представлять, как она сидит у окна, склонив голову над бумагой, как останавливается посреди фразы, подбирая слова, как улыбается собственным мыслям. Он хорошо помнил эту улыбку. И её голос, и привычку чуть приподнимать бровь, когда задумывалась о чём-то.

Наталья обещала ждать.

Перед самым его отъездом она спросила, действительно ли он должен ехать. Не мог ли остаться? Матушка ведь тоже просила его об этом.

Николай тогда ответил, что Шереметьевы испокон веков служили Отечеству и он не намерен становиться первым, кто нарушит эту традицию.

Наталья ничего не возразила. Только долго смотрела на него, а потом попросила беречь себя.

Он поцеловал её руку и обещал вернуться.

Теперь, перечитывая письмо, Николай думал о том, как всё устроится после войны. Как он вернётся в Петербург и они обвенчаются. Он даже представлял, как Наталья будет смеяться

над его излишней серьёзностью, а матушка наконец перестанет жаловаться, что сын предпочитает военные кампании семейному счастью.

Николай аккуратно сложил письмо и убрал его во внутренний карман мундира, рядом с материнским.

Он любил Наталью. Она обещала его дожждаться.

А война не могла продолжаться вечно.

Он вернётся.

Женится, как того желала матушка.

Всё было довольно просто.

Утро началось обыкновенно.

Кони фыркали, переступали с ноги на ногу, позвякивала сбруя. Офицеры переговаривались, кто-то смеялся, кто-то в который раз проверял оружие. Над полем стелился туман, сквозь который уже пробивалось солнце.

Его серый жеребец нетерпеливо мотнул головой.

— Тише, дружище.

Он похлопал коня по шее.

Жеребец был превосходный. Сильный, быстрый, с норовом, который Николай находил вполне терпимым, хотя Потап придерживался на этот счёт другого мнения.

— Зверюга, ваше сиятельство, — ворчал тот, когда приходилось седлать коня. — Чисто вы сами, только что не разговаривает.

Николай тогда заметил, что это, пожалуй, единственное его преимущество перед хозяином.

Теперь жеребец снова тряхнул головой, словно соглашаясь.

Николай улыбнулся.

В нескольких шагах от него один из молодых офицеров рассказывал что-то о невесте. Другой уверял, что после войны непременно оставит службу и займётся имением, потому что ему совершенно надоело спать в сапогах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.